

JOHN CROWLEY

flint
and
mirror

ДЖОН КРАУЛИ

Кремень
и
зеркало

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
К78

John Crowley
FLINT AND MIRROR

Copyright © 2022 by John Crowley

Перевод *Анны Блейз*
Дизайн *Елены Куликовой*

Краули, Джон.
К78 Кремень и зеркало / Джон Краули ; [перевод с английского А. Блейз]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези).

ISBN 978-5-04-196799-4

Когда Хью О'Нилу исполнилось десять лет, ему пришлось покинуть родную Ирландию и отправиться в Англию, чтобы скрыться от дяди-узурпатора. Перед самой поездкой древние народы Ирландии нарекают Хью своим защитником и в подтверждение данной клятвы преподносят ему осколок кремня.

Проходят годы, и на Хью обращает внимание королева Англии. В знак своего покровительства, она преподносит ему обсидиановое зеркало, с помощью которого может передавать сообщения на расстоянии.

Теперь Хью О'Нил, ныне граф Тирон и лорд Севера, находится в очень непростой ситуации, ведь между Англией и Ирландией началась война.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-196799-4

© А. Блейз, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

содержание

Пролог. Confiteor	9
-------------------------	---

Часть первая.

КРЕМЕНЬ И ЗЕРКАЛО

Рат	19
Обсидиан	40
Серый гусь	52
Тир-Оуэн	64

Часть вторая.

РАБСКИЙ УДЕЛ

Пергамент и старые чернила	81
Победу — папе!	90
На холме Нок-Анье	103
В водах озера Лох-Ней	111
Стеганография	121
Эй Руа	130

Часть третья.

БЕРЕГ СТРИДАХ

Покаяние	143
«Гран-Грин»	157
Чудовище	163
Пушечные ангелы	173

Часть четвертая.
ТЕ, КТО НЕ СПИТ

Рулон шелка	193
Белый и черный	202
Лис и Пес	217
Шалаш на реке Банн	232
Вон отсюда!	240

Часть пятая.
ПОБЕДИТЕЛИ

Клонтибрет	247
Блэкуотер	257

Часть шестая.
СЛУА ШИ

Захватчики	271
Середина зимы	293

Часть седьмая.
ПРАХ МОРСКОЙ ВОЛНЫ

Кошелек золота	305
Сломленный	310
Загнанный зверь	320
Смерть Лиса	329
Преображенный	341
Благодарности	349

Однако я знаю: всем, что случается, мы обязаны не только случаю и стечению обстоятельств, но и замыслам разумных созданий — не вполне свободных, но все же обладающих собственной волей.

пролог

CONFITEOR¹

Все сходились на том, что в Риме стало холоднее. Стылая зимняя сырость не отступала дольше, чем в былые годы, да и с приходом весны большие каменные дома и дворцы благородных риони² оставались холодными. Еще хуже было в церквях. Итальянские небеса по-прежнему полыхали жаркой синевой с бесчисленных картин, но картины уже не отражали действительности. На самом деле похолодало во всем мире, от Китая до Бразилии, но Хью О'Нил, граф Тирон³, этого не знал; его родная страна, которую он не видел уже лет десять, оставалась в памяти все такой же зеленой, такой же теплой, как прежде. Англия — другое дело, да; там было холодно; мальчишкой, когда он жил там у Сиднеев,

¹ *Лат. букв.* «исповедую»; начало католической покаянной молитвы. — *Здесь и далее прим. пер.*

² Риони — старинное название районов в историческом центре Рима.

³ Главный герой этой книги — Хью О'Нил, граф Тирон (ок. 1550–1616), прозванный Великим графом, последний король древнего ирландского королевства Тир Эогайн (Тирон) и предводитель ирландцев в «Девятилетней войне» (1594–1603) — долгом и кровопролитном восстании против английского владычества. Потерпев поражение и спасаясь от расправы, в 1607 году Хью покинул родину и нашел убежище в Риме. Вместе с ним бежали еще 98 ирландских аристократов; этот массовый исход ирландской знати вошел в историю как «бегство графов».

своих опекунов, ему доводилось ходить по льду замерзшей Темзы, твердому, как гранит, среди ледовых дворцов и аркад, что по ночам освещались свечами и коптилками; огоньки мигали, словно дрожа от холода; а мимо, как по широкой дороге, проносились сани, и лед рассыпался сверкающей крошкой из-под шипастых подков.

Как же давно это было.

В покоях палаццо Сальвиати¹, которые папа выделил графу, стояли угольные жаровни, но стекло в высоких окнах не было, а закрывать ставни на ночь граф не желал. Спал он, закутавшись в меха и подложив подушки под голову, полусидя, точно больной. И всегда держал меч под рукой. Любая ночь могла стать для него последней, думал он. Любая сила из тех, с которыми он когда-то боролся, любая держава, которую он предал или подвел, могла подослать убийц. Сын короля Испании. Английская корона. Его собственные кланники и вассалы. Наконец, *Sanctissimus*² собственной персоной, а не он, так его кардиналы: скоро они устанут от графа, от его бесконечных просьб о деньгах и оружии, потребных для возвращения в Ирландию, от заговоров, которые он строил *in vino plenus*³ со своими товарищами по изгнанию (этот мечтает о мести, тот одержим правосудием), быть может, тоже втайне его ненавидевшими. Найдется кто-нибудь, кто прижмет к его лицу подушку, и больше он уже не проснется. Но те легионы земли и воздуха, те великие и прекрасные, которых он подвел сильнее, чем кого бы то ни было, а они, в свой черед, подвели его, — уж они-то

¹ Палаццо Сальвиати — дворец в Риме, построенный в начале XVI века по проекту Джулио Романо и получивший свое название по имени кардинала Джованни Сальвиати, приобретшего здание в 1552 году. Согласно воспоминаниям Тайга О'Кианана, секретаря Хью О'Нила, в этом дворце по распоряжению папы Павла V поселили не только Хью, но и других ирландских беглецов — его «товарищей по изгнанию», упомянутых ниже.

² Его Святейшество (*лат.*), папа римский Павел V (1552–1621).

³ Нагрузившись вином (*лат.*).

его здесь не достанут. Здесь им не под силу покарать его или причинить хоть какой-то вред: за пределы Острова им хода нет — точно так же, как ему самому нет возврата.

Но сейчас было лето, благословенное лето. Пробудившись, граф ощутил, как ночь оборвалась, словно бы внезапно, — и начался новый долгий день. В двери спальни тихонько постучались. Затем дверь открылась: слуги внесли для него таз с водой и белые полотенца для рук и лица. Граф отбросил покрывала и встал, по-стариковски покряхтывая. Желает ли его светлость разговеться, спросили его, или сперва посетить мессу? Граф, так и стоявший голым, посмотрел вниз, на собственную грудь — на поседевшие завитки, когда-то ярко-рыжие, на рубцы и шрамы, так и не заросшие волосами вновь. Вот она, страна его жизни: вся история на виду. Вполне ли он здоров? Сразу и не понять. Сначала месса, сказал он. Ему помогли накинуть длинный стеганный халат, какой носили римляне по утрам, — весталью, *robe de chambre*¹. Затем слуги встали от него по бокам; взяв их за руки и держась, чтобы не упасть, граф втиснул ноги — искореженные артритом, шишковатые и будто чужие — в бархатные туфли. Ему поднесли поссет² — он выпил. Подумал, не вернуться ли в постель. Потом все же завязал пояс халата, отпустил слуг (его всегда восхищало, как они пятятся до самой двери, кланяясь на каждом шагу), зевнул во весь рот и с этим щедрым глотком летнего утра проснулся окончательно.

Во дворце Сальвиати была маленькая часовня, где архиепископ каждое утро служил мессу, повинувшись каноническому закону и собственному своему желанию. Постоянных прихожан у него было немного: монахини, выполнявшие разные

¹ Домашний халат (*фр.*).

² Горячий напиток из молока с вином и пряностями.

работы во дворце, да благородный пенсионер, которого архиепископ держал при себе секретарем. И, разумеется, граф Тирон, всегда занимавший позолоченное молитвенное кресло между двумя рядами простых скамей. Войдя в часовню в сопровождении служки, архиепископ мимоходом тронул О'Нила за плечо и улыбнулся. Глядел он перед собой — на алтарь, где уже стояли священные сосуды и лежало раскрытое евангелие.

Петр Ломбард, архиепископ Армы, что в Ольстере, ни разу в жизни не всходил на свою кафедру. Родился он в Мунстере; выказал блестящий ум, был отправлен на учебу в Оксфорд, а после — на континент; в Бельгии, в католическом университете Лувена, стал доктором богословия. Затем приехал в Рим и произвел на папу Климента VII такое впечатление, что вскоре поднялся до архиепископского сана, не задержавшись надолго на нескольких более скромных должностях. Выбор естественным образом пал на него, когда скончался предыдущий архиепископ Армы, и Петр получил перстень и посох, но путь на кафедру в Ольстере ему был заказан. Став помазанником, он так и не стал пастырем для вверенных ему прихожан; он не мог ни венчать, ни отпевать их, ни служить для них обедню по праздникам.

Католических священников в Ирландии бросали в темницы, ссылали, вешали и четверговали. Петр все равно хотел поехать в Ирландию, но Его Святейшество запретил и назначил его своим почетным прелатом. Должность была доходная. К тому же Петру поручили заботиться об ирландских изгнанниках в Риме. Он понимал: как и его другу Хью О'Нилу, ему не суждено покинуть Рим, не суждено еще хоть раз ступить на землю Ирландии.

И подойду я к жертвеннику Божию, начал он, протягивая руки к стоявшему на алтаре распятию. Служка подхватил на плавной, ласкающей слух латыни, какая всегда звучала в итальянских церквях: *к Богу радости и веселия моего*¹. И граф зашептал

¹ Пс. 42:4.

вместе со священником, но по-ирландски: *для чего Ты забыл меня? Для чего я, сетуя, хожу от оскорблений врага?*¹ Сколько раз, подумал граф, повторялся этот вопрос за все века и сколько раз оставался без ответа. На глаза навернулись слезы, как теперь случалось нередко — даже по пустякам, без причин.

Месса шла своим чередом. Архиепископ поднял над головой просфору, уже пресуществленную, — хлеб, ставший плотью. Следом — вино, ставшее кровью. Монахини поднялись, словно строй серых призраков, и устремились к алтарной ограде за причащением. *Panis angelicus*². Граф причащаться не стал. Сейчас было нельзя: он еще не исповедался, не исполнил своей епитимьи, не получил отпущения.

На церковную службу Хью О'Нил приходил почти каждое утро, а по вечерам (когда не предавался фантазиям о правосудии и мести с такими же старыми ирландцами, как он сам) проводил время с архиепископом в его покоях, ибо Петр Ломбард был автором гигантского *De regno Hiberniae sanctorum insula commentarius*³, трактата о святых и защитниках королевства Ирландия, а Хью О'Нил не понаслышке знал о том, как Ирландия поднялась на защиту от еретиков в последний раз. Архиепископ взял на себя роль историка при графе: он задавал вопросы и записывал ответы, когда Хью было что отвечать: имена и кланы давних соратников, события проигранных и выигранных сражений, годы, месяцы и дни, на которые те пришлись. Прошения и отказы, клятвы и клятв-вопреступления. Голос старой королевы... Хью не стал рас-

¹ Пс. 41:10.

² Хлеб ангелов (*лат.*), предпоследняя строфа католического гимна «*Sacris Solemnis*» («Священный праздник»), который включался в торжественную мессу на Праздник Тела и Крови Христовых. Этот праздник приходится на 60-й день после Пасхи.

³ «Комментарий о королевстве Ирландия, острове святых» (*лат.*).

сказывать архиепископу, как услышал этот голос впервые, и заговорил вместо этого о некоем чутье, которым он обладал в те времена, или, вернее, о чувствительности к ходу событий: порою граф угадывал, что происходит вдалеке от него и чему предстоит случиться в будущем.

По пятницам он превращался в кающегося грешника. Архиепископ становился исповедником: садился против него, колено к колену, отвернув лицо, и молча слушал, временами прикрывая глаза рукой и прерывая графа лишь тогда, когда услышанное нуждалось в пояснениях или требовало расспросов. В высоких клетках, украшавших покои архиепископа, ворковали и бесцельно порхали горлицы — подарки нового папы, Павла V. Здесь, как и в часовне, Хью дозволялось не преклонять колени, с которых (сообщил он архиепископу) он бы, верно, уже и не встал. Так он и исповедовался, сидя в кресле и покаянно склонив голову. *Благослови меня, отче, ибо я согрешил: словом, делом и помышлением.*

На грехи минувшей недели хватало десятой доли часа: старому графу теперь не часто выпадала «оказия согрешить», как называл это его исповедник. Хью О'Нил каялся не столько в нынешних своих *peccata*¹, сколько за всю прожитую жизнь, не столь уж отличавшуюся от исторической хроники, которую архиепископ за ним записывал, — разве только тем, что в хронику прегрешения графа не попадали, а в исповеди, напротив, подвергались пристальному анализу и учету. Ежевечерние экскурсии в историю граф начал со времен своего отрочества и мало-помалу продвигался к концу — к тем самым покоям архиепископа, где он излагал повесть своей жизни. Пятничные исповеди, наоборот, начались с конца — конца всем войнам и битвам, из которых складывались войны, и всему, что случается в битвах и после битв, — и продвигались вспять, к началу. Каждую неделю граф и его исповедник проникали еще чуть дальше в прошлое, выискивая все,

¹ Грехах (*лат.*).

о чем теперь надлежало рассказать откровенно: все, чего граф не сделал, хотя и должен был сделать, и все, чего делать не стоило, но он все-таки сделал. Хью О'Нил отродясь не был послушным сыном Церкви. Да, он мог посетить службу, когда это сулило какие-то выгоды, или вместе со своими капитанами преклонить колени перед каким-нибудь затравленным священником, скрывающимся в глуши, и попросить о благословении. Но все то, что ему довелось совершить как воину, как вождю, как О'Нилу, поборнику Ирландии и защитнику прав и свобод собственного клана, — все это граф в глубине души не считал грехами и порой стоял на своем даже теперь, перед лицом архиепископа с его кроткими наводящими вопросами. Когда он умолкал, переставая понимать самого себя и не зная, что сказать дальше, оба вставали и прощались до завтра, обменявшись братским поцелуем.

За годы, которые оба они, архиепископ и граф, провели на чужбине, эти две истории Хью О'Нила — история его деяний и история души — достигли того мгновения, в котором одна пересекалась с другой, подобно двум всадникам, выехавшим навстречу друг другу и разминувшимся на середине пути. Один двигался к концу, к тем делам, говорить о которых было труднее всего, к годам поражений и неудач; второй стремился к юности и детству, к тем давним временам, когда он еще ничего не знал о грехе и благодати, а учился лишь делать то да се: скакать верхом, бегать и метать копье, бороться и хвататься победами, бодрствовать и почивать в этом мире, что был еще совсем юн и зелен.